

Причал судьбы

Повесть

Моя художница

МОЯ ХУДОЖНИЦА живет со мной уже два месяца. Она очень тиха и аккуратна. Много разговаривать мне с ней не приходилось. Когда она рисует, она неразговорчива. Я стою рядом с ней и говорю:

— Вера, ты опять угадала! Ты молодец.

Она поворачивается ко мне и улыбается. Есть в этой улыбке что-то коварное.

— Это то, что нужно, — добавляю я, желая услышать хоть пару слов в ответ. Но она молчит.

Уже два месяца мы вместе. Но мы не любовники. При очередной нашей встрече она попросила жилища. Удивительно то, что именно на этом свидании я хотел предложить ей жить у меня. Я охотно согласился, и мы поняли, что для нашего дела нам надо жить вместе.

Я не требую от нее соблюдать порядок в комнате, мыть посуду или подметать пол. Я не заставляю ее готовить еду. Все происходит само собой. Когда Вера голодна, она может приготовить сама. Может поесть то, что приготовил я.

С первых дней совместной жизни я сказал ей, чтобы она чувствовала себя совершенно свободно. Я позволил ей разместиться как угодно. Ничто не должно отвлекать нас от дела.

Вера расставила свои баночки с краской, кисточки, карандаши, листы с холстами, мисочки с водой, палитры по всей комнате. В одном углу она хранит наброски. В противоположном углу — неоконченные картины.

Моя художница пишет каждый день. С самого первого дня, как поселилась у меня. Я стою за ее спиной, смотрю на холст. Слежу за каждым движением ее кисти. За каждой черточкой. За каждым мазком. Смотрю, как она окунает кисть в миску с водой. Как протирает ее. Я созерцаю создание картины от грунтовки холста до последнего штриха. Изучаю готовую работу и в очередной раз повторяю произнесенные не один раз слова:

— Вера, ты молодец! Ты опять угадала!

Она, как всегда, поворачивается ко мне и смотрит, коварно улыбаясь.

Вера любит слушать истории. Я рассказываю ей их каждый день. Моей художнице нужны мои рассказы. А мне — ее картины. Раньше одной истории ей хватало на пару дней. Порой даже на неделю. Теперь она нуждается в них ежедневно. В этом мой долг перед ней — постоянно что-то рассказывать. Она расплачивается

со мной своими картинами. Об этом мы договорились с того момента, как решили жить вместе.

Мы познакомились в переходе.

— Почему вот эта? — спросил я, указав на холст.

— Триста, — ответила она сухо и устало.

— Давай, — протянул деньги, — похоже на Островной, — сказал сам себе. Она услышала.

— Правда похоже?! — удивилась на весь переход.

Рисунок полутонувшего причала напомнил мне о прошлом.

— Да, я видел такие же на Севере.

— Ты жил на Севере?

— Да. Ты знаешь такой городок — Островной?

— Знаю, — сказала она. — Меня зовут Вера. То есть я думаю, что знаю.

— ?

— Мои родители там жили. Так странно. Я никогда его не видела. Мне никто про него не рассказывал. Я фантазировала. И — похоже.

Мы поговорили еще несколько минут. Я опаздывал на работу. Договорились о встрече. Ушел. Через день встретились. После — через неделю. Встречались четыре с половиной недели. Разговаривали обо всем вокруг, узнавали друг друга. О себе говорили меньше. Все это время меня умиляло, как она начинает беседу.

В книжном магазине-кафе «ПирОГИ»:

— Привет, — говорю я.

— Привет, — она садится напротив.

— Что будешь? — спрашиваю. Листаю меню.

— Мясной пирог и пиво с клюквой, — говорит она подошедшему официанту.

Я заказываю березовый сок. Смотрит на меня. Пятисекундная пауза.

— Мой папа начал пить, когда мы переехали с Севера в Питер, — во взгляде пустота, — я переезда не помню. Маленькая была. Он почти спился через пять лет. Так быстро. Мама его выгнала. Через семь лет нашла нового.

Все это время она не выпускает сумочку из рук. Держит ее на коленях.

— Мама говорит — из-за переезда начал пить.

Я смотрю и улыбаюсь. Молчу. Она кладет сумку в ноги. Наклоняется ко мне и шепчет:

— Я так хочу узнать, как там, на Севере. Там папа не пил. Я у мамы спрашивала, она не хочет рассказывать. Говорит — не помню. А мне интересно. Как хорошо, что мы встретились.

Официант приносит заказ.

— Мне тоже иногда очень хочется увидеть еще раз те места, — говорю и выпиваю сок.

После этой встречи увиделись через неделю.

Качели около какого-то ресторана. Останкино.

— Привет, — говорю я. Она садится рядом.

— Я, когда из дома сбежала, вспомнила уже в Москве, что забыла постели. Здесь дороже. Привет. Прости.

— Накопи, — говорю я.

— Да, надо, — отвечает. Щелкает костяшкой пальца: — Мне негде жить. У тебя можно?

Ответил не сразу:

— Можно.

— Ты мне расскажешь про Север? — спрашивает она.

Я улыбаюсь.

— Да. Расскажу. А с тебя картины по моим рассказам.

— Я за этим и прошу, — лукаво улыбается.

Мы стали жить вместе. Я рассказывал ей про север. И про другое тоже. Она писала картины. Успех ее работы во многом зависел от качества рассказанной мною истории. Мы стали нуждаться друг в друге. Она писала, я смотрел и вспоминал еще больше. Я смотрел на картину и чувствовал свой собственный рассказ еще сильнее. Иногда Вера останавливала мое повествование и уточняла цвет.

Моя художница очень старательная. Она рисует до тех пор, пока не добьется нужного результата. Я не жалею, что приютил ее. Она стала для меня смыслом. Мы привыкли друг к другу. Я возвращаюсь домой и вижу ее сидящей за работой. В комнате тихо. Иногда я стою на пороге. Не смею войти. Мне страшно нарушить воздух творчества в комнате.

Спустя два месяца совместной жизни я выяснил, что моя художница имеет немало страхов. Она о них неохотно рассказывает. Маленькими порциями и очень редко.

— Есть некоторые люди, которых я боюсь, — говорит она шепотом. Словно нас могут подслушать.

— Кто? — я.

— Тебе они неизвестны. — Пауза. — Но они в Москве. Я боюсь их встретить. — Пауза. — Я боюсь, где бы ни находилась. Только когда рисую, мне спокойно.

Почему Вера боится, я не знал. Да и существуют ли они. Мне иногда казалось, что большой город пугает ее, и она ищет мою защиту, приду-мывая неизвестных людей.

— Вот в детстве я чувствовала себя такой сильной, — рассказывает Вера, — чувствовала огромную любовь, какую-то чистоту. Я не боялась ничего. Помню даже, мальчишки, соседи по двору, не смогли прыгнуть на стройке с кры-

ши на крышу. А я смогла. Я собралась духом и прыгнула. — Улыбается. Долгая пауза: — А теперь многого боюсь.

— Не надо бояться, — говорю я, — отвле- чешься от работы. Ты ведь не для страха жи- вешь.

Улыбка Веры становится уверенней. За ее страхом прячется доброта. Она всегда желает удачи, когда я ухожу. Вот, например, Вера рису- ет несколько часов подряд. Молчит, после чего поворачивается ко мне и говорит:

— Желаю тебе счастья.

Когда я услышал *это* пожелание от нее в первый раз, мне стало немного неловко. Я по- благодарил. Смутился.

Как только Вера впервые зашла ко мне до- мой, сказала:

— Пускай в этом доме будет всегда мирно и спокойно.

— Во многом это зависит от тебя, — ответил я. Она пожелала это искренне. Я почувствовал по голосу.

Я стою за спиной Веры. Смотрю на готовую картину. О завершении работы моя художница никогда не говорит вслух. Это понятно без слов. Она откладывает кисточки. Замирает. Начаи- ает тихо и учащенно дышать. Не отрывая взгляда от холста, щелкает костяшками пальцев. Смот- рит на картину.

— Вера, ты угадала! Ты молодец! — восхи- щаюсь.

Она поворачивается ко мне и улыбается.

Я изучаю картину еще подробней. Вгляды- ваюсь в каждый мазок. В каждый, даже самый незаметный, переход цвета. Мой взгляд прико- ван к холсту. Я смотрю, не отрывая глаз. Все за границами картины теряет цвет, становясь чер- но-белым. Чувствую запах еще не высохшей краски.

Картина — темно-синее море, вбирающее в себя падающий снег. Бело-голубое небо. Аль- батросы, тоже белые, еле заметные, с оттенками розово-желтого на крыльях и хвостах. Это цвет света от солнца. Ржавый причал. Рядом с ним черно-рыжая подводная лодка. На переднем плане фигура маленького мальчика. На прича- ле матросы в фуфайках. Слабо-фиолетовые то- на краски — снег. Маленький мальчик держит руку у лица. Из-под его воротника виден крас- ный шарф. Шарф горизонтально развеивается по ветру. В самом конце причала, в середине картины, черный силуэт мужчины, идущего к мальчику.

Я начинаю слышать гул ветра. Шелест морс- ких волн и скрежет металла. Крик чаек. Я падаю в белую краску. Лечу, пачкаясь масляными сне- жинками. Падаю в масляный снег. Все вокруг кажется масляным.

Железная пилюля

ХОЛОД. КАПЮШОН все время слезает с головы. Струи холодного воздуха обжигают щеки. Море. Север. Кольский полуостров. Если посмотреть влево или вправо, видны ступенчатые берега и белые скалы. Над головой мельтешат снежинки. Взгляд уходит вперед и тонет где-то в горизонте, там, где не видно конца моря и начала неба, — все одинаково бело-синее. Светло. Недалеко от берега белеет остров Йоканьга. На фоне снегопада его белесый скалистый рельеф заметно выделяется.

Мальчик лет шести стоит около причала. Он стоит спокойно, он не грустит и не веселится. Он ждет. Он смотрит на горизонт, он видит, что небо берет свое начало из моря, он щурится от снежинок. Ему не холодно. Пехора¹ согревает не только тело, но и душу. Ветер назойливо стягивает капюшон с головы, мальчик придерживает его рукой.

Проходит несколько минут, и ветер успокаивается. Бьющей по щекам снежной крупы больше нет. На смену ей приходят большие, перистые снежные лохмотья, степенно опускающиеся на землю.

Ласточки и бакланы летают над головой и вдали над водой. Кричат. Позади, за жилыми домами, сквозь бархат снегопада виднеются сопки в бело-коричневых и бело-серых тонах.

Мальчик смотрит на раскачивающийся причал и думает про себя, что он бы мог подождать и на нем, но в ту же секунду понимает, что его укачает, и ему станет плохо. Это немного стыдит его, он смотрит на пару матросиков, стоящих около одного из тросов подводной лодки.

Из-за спины мальчика вылетают две маленькие воздушно-снежные воронки, крутящие крошечные снежинки. Они гонятся друг за другом и, столкнувшись, распадаются.

По правую сторону причала раскачивается громоздкая ржаво-черная подводная лодка. Эта огромная железная машина непонятна мальчику. Она кажется невероятной. Неужели она плавает под водой вдали от земли, в глубинах морей и океанов? Из буксира, находящегося по левую сторону причала, выходит мужчина.

Летающих в небе птиц трудно рассмотреть. Они теряются в отблесках солнца от прибрежных скал, отблесков от белого снега вокруг. Этот блеск приятно слепит глаза. Солнце в пустыне снега увлекает внимание мальчика. Блеск свежести.

¹ Северная верхняя одежда, похожая на пальто, только сильно утепленное мехом

К мальчику подходит мужчина.

— Пойдем, — говорит он.

Мальчик идет за мужчиной. Но неожиданно для себя останавливается.

— Не бойся, — говорит мужчина. Это его отец.

Мальчик смотрит на подводную лодку. Она ведь железная. Мальчик с отцом идут по трапу. Трап угрожающе скрипит.

Черно-рыжая пилюля приближается. Трап вовсе не укачивает мальчика. Это радует мальчика.

— Стой пока здесь, — говорит отец, — внутрь нельзя.

Мальчик остается на корме подводной лодки. Бегаёт из стороны в сторону и смотрит на воду. Вода его пугает. От одного ее вида становится холодно. Подводная лодка раскачивается не в такт причалу. Мальчик радуется, что он находится здесь.

Отец возвращается. Подходит к мальчику.

— А зачем она нужна? — спрашивает мальчик, указав рукой на подводную лодку.

Ответ звучит не сразу:

— Чтобы корабли не напали, — говорит отец. Улыбается: — Вон оттуда, — и показывает рукой в сторону моря.

После мальчик часто поглядывал на горизонт, когда проходил мимо моря. Он всматривался в еле заметную грань между водой и небом в страхе увидеть там нападающие корабли. Но их не было, и мальчик успокаивался.

Звук моторов машин, крик матросов, смех. Ледяной ветер. Снег. Скрежет причала — раскачивающегося на волнах. Эти звуки он слышал каждый раз, когда вместе с экипажем покидал прибывший корабль.

С корабля спускают трап. Мальчик стоит в толпе людей, сходящих на берег. Глаза встречающих полны радостью встречи с родными, друзьями, близкими. На причал корабельная стрела спускает с судна машины, провизию. Мальчик с семьей спускается по трапу. Чужие, встречающие взгляды буравят лица, пытаюсь найти среди всех знакомые.

Смотрит на воду. Ему беспокойно. Вдруг за ними увязались враги, и теперь они знают, куда плыть, и планируют напасть на городок.

Около других трапов раскачиваются подводные лодки, напоминающие мальчику железные пилюли. Ему становится спокойно при виде их.

Вместе с семьей он двигается в сторону автобусной остановки.

Автобус. Ржавый, искореженный временем, сминая снег колесами, едет в поселок. Он везет их домой, в небольшой городок. В окно, укра-

шенное снежно-бархатными картинками, немало видны мелькающие силуэты заснеженных двухэтажных домов. Слышен шум ветра. Северного ветра, плетущего ледяные кружева на стеклах зданий и автомобилей. Люди сидят в креслах, стоят, держась за поручни. Снежинки на их одежде тают от автобусного тепла. Скоро будет остановка. Ехать минут десять, не больше.

Мальчик вспоминает свой дом. Слушая истории взрослых, мальчик узнал, что улица Бессонова, на которой он живет, названа в честь подводника.

В автобусе с капюшона рядом стоящей женщины скатывается маленькая капелька воды. В полете она блестит. Море — это миллиард таких капелек. За окном мелькают дома в вечерней снежной синеве. Воображение мальчика превращает автобус в катер. Снег за окном в море. Все мысли сейчас о подводнике.

Ночь. Подводная лодка капитана Бессонова затонула. Спасательный катер подбирает людей, плавающих на волнах. Холод. Ледяная вода обжигает тело. Времени — считанные секунды. Находиться в такой воде долго невозможно. Холод воды окутывает ледяными руками, хватая за горло и душит. Душит.

Темно. Шум моря, крики. Во рту вкус соли. Дрожь в теле, руки и ноги онемели. Боли нет. Становится уже не холодно. Дышать трудно. Двигаешься, еще пытаешься держаться на плаву. Конвульсии. Судорожная вибрация в теле. Уже не чувствуешь — над водой ты или нет.

При мысли о человеке в воде становится холодно. На миг мальчику кажется, что это он в воде.

Криков становится меньше. С каждой секундой все меньше и меньше. Катер не успевает выловить всех. За левым бортом на волнах раскачивается капитан Бессонов. Он пытается подплыть к катеру. Молчит. Тянет правую руку. Борт близко. Всплеск! Волна относит его назад. На борту суета. Кутают спасенных. Фляжки со спиртом ходят по рукам. Бессонов подбирается снова. Опять тянет правую руку. Человек высвобождается из катера. Чуть не падает. Хватает капитана за руку. Всплеск! Вместо руки спасатель хватается за мокрую книжку. Волна относит Бессонова еще дальше. Поднимает на свой хребет. Затягивает под воду. Кажется, все. Тишина. Криков нет вообще.

Криков нет.

Только шум волн.

Капитан больше не всплывает. Он уходит за своим кораблем. Спасатель смотрит на море. Смотрит на книжку. В ней перечислен экипаж судна. Отчет о действиях. И все.

Мальчик ходит по скалистому берегу моря. Подходит к самой воде. Мочит руку. Пальцы обжигает холодом. Становится страшно.

Белое. Зеленое

ВЕРА ГОТОВИТ новый холст. Всегда перед работой протирает влажноватой тряпкой мольберт. Периодически поглядывает на меня. Я наблюдаю за ней. Сам готовлю чистые листочки. Складываю их в стопочку. Она смотрит на них. Смотрит на холст, словно сравнивая — у кого лучше. Я смотрю на нее и записываю ее действия. Услышав царапание ручки по бумаге, она на секунду замирает. Тихо дышит. Берет кисточки. Складывает их в коробочку. Меняет воду в миске. Баночки с краской собирает в одно место. Устанавливает холст. Из большой сумки, вроде походного рюкзака, извлекает кусочек чистой ткани. Ей она будет протирать кисточки. Тряпочку Вера вяжет на левую руку. Смотрит на полотно. Дыхание почти не слышно.

Приготовления закончены.

Вера берет чистую кисть. Мочит ее кончик. Опускает в белую краску. Кисть большая. Грунтовочная. Вера наносит краску на холст. Грунтовать она всегда начинает с левого угла.

Белое.

Белая краска, цвета свежеснежавшего снега ложится в основу картины. Вера уверенно наносит первый слой. Ждет минут десять. Готовится наносить второй. Мочит кисть. Протирает ее тряпкой. Опускает в краску.

Белый цвет всегда напоминает север. Глаз привык к белому. Грунт севера — белая краска. Это основа. Из нее рождаются дома. Серый и красный кирпич появляются из белого. Голубое небо — смесь белого и синего. Серебристо-коричневые остановки вырастают из белого. Темно-серые камни лежат в белом. Белый цвет — это начало. С детства я к нему привык. Он стал основой всего.

В нем жили люди. В нем женились и выходили замуж. В нем рожали. В нем и умирали.

Из него росли двухметровые, не выше, кустарники. Рябь коричневого на белом.

Вера нанесла второй слой белой краски. Пождала. Вера вытерла кисть. Взяла другую — тоньше. Намочила. Окунула в баночку с зеленой краской.

Зеленое.

Поверх белого грунта ложатся зеленые мази. Насыщенно зеленый цвет режет глаз. Вера рисует лес, примешивая иногда коричневую краску.

— Расскажи о первом дне, когда вы переехали, — просит она.

Я думаю. Вспоминаю. Говорю:

— Мы вышли вечером. Сели в автобус, до причала. На теплоходе до Мурманска. Обычный день. Спокойно. Потом в аэропорт. Там на самолете в Шереметьево. Потом такси.

— Не-ет. Ты не понимаешь. Другой первый день... первый день в другой краске.

Думаю.

— Самая первая мысль была о цвете. Очень удивительно. Даже сложно смотреть. Вокруг все зеленое.

— Насколько зеленое? — спрашивает и щелкает костяшкой пальца.

— Жгуче зеленое. Кажется, что жжет глаза. Похоже на то, когда чистишь лук.

Вера смешивает в блюдце кислотно-зеленую краску. Рисует. Больше ничего не спрашивает.

Я слежу за ее кистью. Большой кисточкой Вера наносит крупные мазки. Хаотично. Быстро. Кисточкой поменьше еще быстрее наносит точечные мазочки. Их краска ярче, чем предыдущая. Размытым темно-коричневым цветом намечает стволы деревьев. На холсте вырисовывается лес. Я погружаюсь в краски.

Дмитровский лес. Листья и жаркое солнце. Высокие деревья. Песни птиц. Этот лес никто не высаживал. Он дикий. Первобытный. В его звуках и запахе чувствуется отшельничество. Лес говорит и смеется. Он выражает свои эмоции. У него даже есть своя мимика. Тропинки, вытопанные людьми, молодят его. Его тело — стволы берез и елок. Он может показаться неподвижным и неживым.

Казалось, что может быть проще — лес. Деревья. Шелест листвы. Березы, елки, сосны. Все это выглядит простым и обыденным.

Но чудо не далеко.

Интересно наблюдать за обитателем южных стран, который впервые увидел березовую рощу. Он удивлен. Это так прельщает его, что у себя на участке он высаживает березку и растит ее как маленькое чудо.

В солнечный летний день в лесу спокойно и сонно. Тропинки вьются мимо деревьев и муравейников. Трудолюбивые муравьи, управле-

мые, словно, одним сознанием, работают в честь своей Великой Матери. Тишину нарушает только шелест листвы, крик вспорхнувшей с ветки птицы или почти незаметный треск от упавшей шишки.

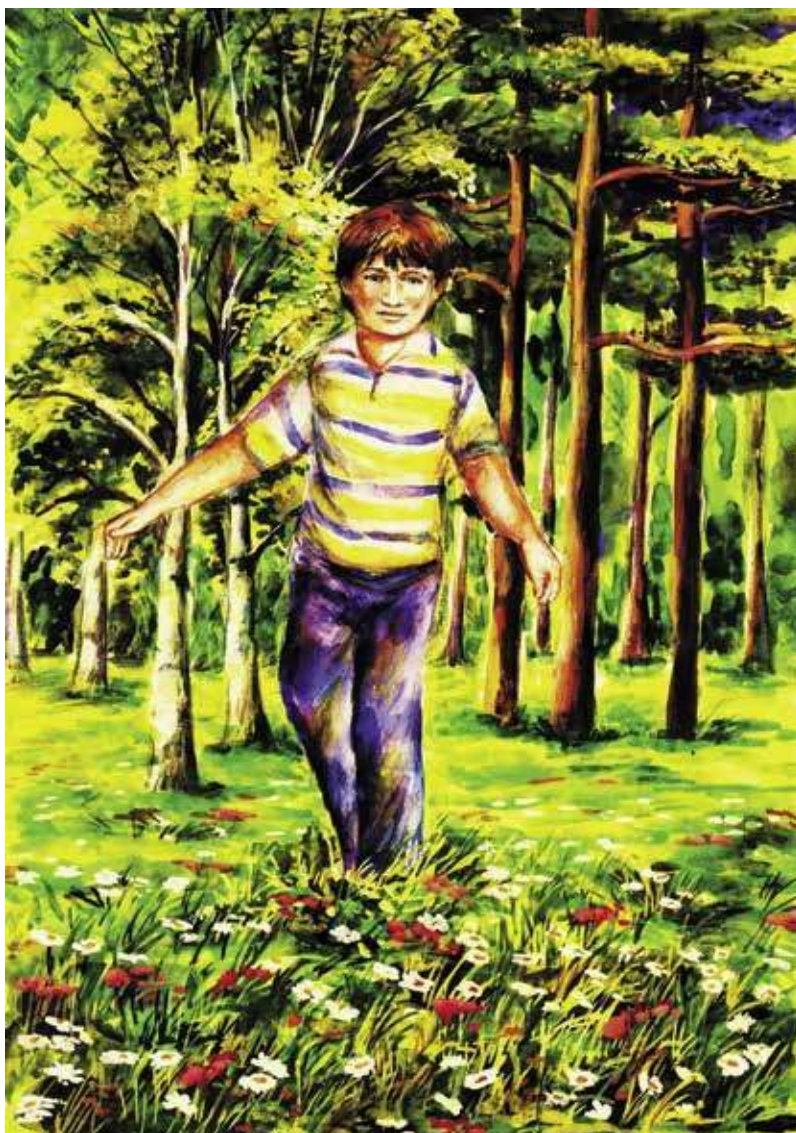
Я помню, как первый раз я пошел по тропинке. Неторопливо. Озираясь по сторонам. Это было маленькое чудо.

Вера делает набросок человека. Всего пару мазков. Он пока не может ходить — у него нет ног, их еще не нарисовали. Он оглядывается по сторонам. Ему не терпится сделать шаг. Он умоляюще смотрит на кисть, просит скорее нарисовать ему ноги.

Краски становятся ярче, лес четче. Наконец Вера рисует ноги. Он делает шаг.

Он становится на тропинку.

Первый раз его нога ступает на эту землю. Вокруг деревья. Они кажутся ему сказочными. Их много, и они очень высокие. Он удивлен, слегка взволнован, но он идет неторопливо,

внимательно разглядывая каждую деталь. Он впервые видит такой лес. Деревья настолько густо растут, что треск сломавшейся палочки под ногами раздаётся легким эхом. Тропинки выются. Лес приветливо шумит. Заманчиво.

Ему не надо ничего. Он идет не спеша. Он знает, что следующая прогулка не восхитит его, как эта.

Он оборачивается. Видит развилку тропинок. Странно, но ему кажется, что ее не было. Идет по одной из тропок. Опять развилка. Он еще не понимает, что произошло, и поэтому спокоен. Лес все еще его удивляет. Он идет дальше. Нагулявшись, решает идти обратно. Но понимает, что заблудился. Больше половины дня бродит он, прежде чем находит нужную тропинку. Первая прогулка надолго запомнится.

Вера замерла. Я замер вместе с ней.

— Что? — тихо спрашиваю.

— Расскажи еще, — просит и смотрит в глаза.

Я рассказываю про первую прогулку по лесу. Вера слушает мой рассказ. Отворачивается, берет кисть и рисует. Я замолкаю.

— Нет, нет, нет, нет! — произносит Вера и хватается за мои руки. От неожиданности я роняю ручку. — Не молчи, рассказывай! Не молчи.

— Тебе же интересен только север, — говорю и улыбаюсь.

— Без остального он невозможен. Рассказывай. Я должна понять все. Мне нужно все. Ты приехал с севера. Дальше.

Своей взволнованностью она смешит меня. Я рассказываю дальше. Я рассказываю про Дмитровский лес. Отдаю ей свое первое впечатление. Она продолжает рисовать.

Я смотрю на еще неготовый рисунок севера. Вера пока отложила его.

Подводные твари

МЫ С ДРУГОМ ходили на рыбалку. Погода была спокойная. Нельзя сказать, что было тепло. Так же не скажешь, что было холодно. Северяне теплой погодой могут назвать время и при минусе. Так все и жили. При минусе, но в теплоте.

Мы набрали в железные баночки наживку — капшук. Как правильно называется это существо, я не знаю. Все называли их так. Они похожи на маленьких креветок. Только в отличие от известного морепродукта эти имеют грязно-зеленый цвет, неприятный запах и есть их нельзя.

При отливе вода уходит так сильно, что можно пройти на дно с двумя палками в руках для опоры, используя их как костыли. Главное — держать равновесие и не поскользнуться на мокрых камнях. Под ногами лопаются водоросли, чем-то похожие на виноград. Вытекая, вода вместе с прозрачной слизью обволакивает камень и увеличивает шанс падения.

Когда отойдешь от берега, остановившись, главное — удержаться на ногах. В маленькой неровности дна остается кусочек моря. В нем панически мельтешат капшук. Их даже не надо ловить. Достаточно опустить туда баночку. Они сами в нее заплывут.

Когда наживка на крючке, остается опустить ее в воду и ждать. Ловили мы чаще всего с причала, на сотню метров уходящего в море. Ждать долго не приходилось. Если под причалом проходил косяк трески, то набрать полные пакеты рыбы можно было за полчаса.

Мы разговаривали о морских тварях, чаще всего придумывали своих. И охотно друг другу верили. Порой вместо трески клевал морской бычок — колючий, несъедобный, со страшным большим ртом. Наживку он заглатывал глубоко, и снимать с крючка его было сложно. Его окрас был невероятно красивым. Переливаясь в свете солнца, бычок блестел муаром. А если смотреть на него под определенным углом, он становился зеленым.

Я вспомнил этот зеленый цвет. Как мы пытались найти подходящий угол зрения, чтобы увидеть его, забыв про рыбалку.

— Я видел, как проплывала касатка, — сказал мне друг.

— Это неправда.

— Правда.

— Касатки здесь не водятся.

— Водятся! — воскликнул он.

— Насчет касаток, не знаю. А дельфинов я видел.

— Где это ты их видел? — спросил он.

— С теплохода. Когда плыли, в начале лета. Двое. Они плыли перед теплоходом, выпрыгивая из воды.

— Касатка может съесть, а дельфины нет. Дельфины не страшные. А знаешь, как я испугался, когда увидел касатку.

Почему-то я не верил своему другу. Но чтобы он поверил мне, я сделал вид, что поверил ему.

— Ты же был не в воде. Как бы она тебя съела? — Мой друг ничего не ответил. — А мне рассказывали страшнее историю. Про сома...

Летом мы с семьей ездили на Украину. В небольшом городке Донецкой области была

река Кальмиус, неширокая и с сильным течением, но были места, где течение практически не ощущалось. Вода в этой речке всегда оставалась зеленой. Мы с друзьями купались в ней. Видели рыбаков, стоящих неподалеку, по пояс в воде.

Рыбаки часто ходили ловить рыбу ночью. Случилось, что один из них не вернулся.

Духота дня сменилась вечерней прохладой. В окошках домов появился уютный свет ночников. Темная ночь окрасила зелень листьев черным. Небо наполнилось звездами.

Рыбак шел неторопливо. После душного воздуха ночная прохлада была приятной. Коробку со снастями он приготовил еще утром. Упаковал крючки. Смотал леску. Пойманные сыном лягушки копошились в баночке. Мужчина шел на сома.

Прибыв на место, он разложил снасти. Специальное, для рыбалки, покрывало он постелил на землю.

Речка приятно шумела. Он сел на покрывало. Некоторое время мужчина ничего не делал, просто сидел. Слушал. Он слышал шелест листьев. От воды раздавался скрежет. Источник звука был от него метрах в десяти. Это был сом. Поймав лягушку, он не проглатывает ее: сом перетирает жертву зубами, похожими на китовый ус, выпивает все соки и выплевывает ее.

Мужчина забросил леску. Он рассчитывал на большой улов — леска была толстой.

Прошел час. Поклевки не было. Прошло еще несколько часов. Мужчину начало клонить в сон. Глаза закрывались. Ему нравилась погода. Нравился шум речки. В тишине и спокойствии он отдыхал.

Мужчина аккуратно взял леску. Обмотал вокруг ноги. Лег на покрывало. Он смотрел в небо. Множество звезд мерцало перед его глазами. Некоторое время он смотрел на них. Потом закрыл глаза.

Утром он не вернулся домой.

Мы купались с друзьями в Кальмиусе. Жара была невыносимой. Стоило окунуться, освежиться, как уже через десять минут снова становилось жарко. Друзья придумали развлечение. Наполнив пластиковую бутылку песком, кидали ее в воду. Дальше нужно было найти бутылку. Кто найдет, тот и выиграл.

Недалеко от нас рыбачил мужчина. Он стоял в воде по пояс, с удочкой в руках. Мы не обращали на него внимания.

Мы купались и громко кричали, как вдруг вместе с нами закричал рыбак. Но не радостно, как мы, а с ужасом. Мы все замолчали. Его водело по воде, словно засасывало в подводную

воронку. Потом затянуло под воду. Он больше не всплывал.

После этого дня в речке мы не купались. Стало известно всему городу, что в Кальмиусе живет рыба-людоед. Вызывали аквалангистов. Но те ничего не нашли. Им не повезло.

Повезло другому человеку. В двадцати километрах от того самого места, где пропал рыбак, праздновали день рождения одного охотника. На праздник собрались не все. С собой в машине у охотника был огромный крюк. Такие крюки я видел и на севере. Они были на цепи и использовались для поимки в колодце отцепившегося ведра. Их еще называли «кошкой». Следуя пьяному велению разума, именинник привязал цепь к дереву около реки, нацепил на него оставшееся мясо и кинул в воду. И забыл про него.

Вспомнил о крюке, когда в нем появилась необходимость. Охотник долго не мог припомнить, где он оставил «кошку». Потом в памяти всплыли моменты со дня рождения.

Приехав туда на машине, охотник обнаружил ту самую цепь. Подойдя к ней, он удивился — она была натянута как струна. По какому-то охотничьему чутью мужчина не отвязал цепь, чувствуя попавшуюся жертву.

Охотник съездил за помощью. С друзьями вместе он перевязал цепь с дерева к машине. Друзья охотника были уверены, что крюк зацепился за корягу. Но это было не так.

Сначала из воды показалась голова громадного сома, сразу же разинувшего пасть полуметрового диаметра. За головой потянулось все тело. Длинна пойманного сома была около трех метров. Сом начал биться изо всех сил. Но охотник не упустил свою возможность и достал всегда находящееся в машине ружье. Быстро зарядил, прицелился и выстрелил.

Этот выстрел прославил охотника. После он хвастался, что стрелял не только зверей, но и подстрелил громадного сома-людоеда. На стену, дома, охотник повесил длиннющий сомин ус.

Весть о подстреленном соме пронеслась с быстротой пули. Привезенный во двор сом первые часы лежал как экспонат в музее — вся округа пришла посмотреть на него.

Недалеко от охотника жила женщина, чей муж пропал на рыбалке ночью. Зайдя во двор, она увидела убитое чудовище и, вскрикнув, прижалась к калитке. Она заплакала. Она не могла поверить, что вот эта тварь отрастила себе брюхо, полакомившись ее мужем и еще наверняка многими. А дети пропадать в последние годы стали часто. Многие пропадали после

школы, как раз тогда, когда все школьники купаются. Тело пропавшего ночью рыбака нашли позже. Тело раскачивалось на воде, зацепившись за корягу. Вокруг ноги была обмотана леска.

После показа охотник лично вскрыл тушу убитого сома. Здесь началось второе представление. В животе у него он нашел *семь* колец, три из них обручальных. Около двух сотен рыбацких крючков, был даже один поплавок. Несколько пар сережек и плотный моток серебряных и золотых цепочек с крестиками. Все найденное охотник отнес в церковь. На местной остановке появились объявления с описанием случая. Многим из прихожан возвращали кресты. В основном женщинам.

Брошенные стены

МОЯ ХУДОЖНИЦА нарисовала реку. Над водой склонились горбатые деревья. Из-за синеватых облаков выглядывало желто-золотое солнце. В правом углу, там, где петляет речка, она нарисовала купающихся детей. В нижнем левом углу стоял на берегу рыбак. В выражении его

лица было нечто блаженное. Крючок был виден. В центре картины, в реке, где деревья дают самую большую тень и чернеют прибившиеся к берегу коряги, она нарисовала огромного сома.

Я смотрел на картину, и мне самому стало страшно. Вера, как всегда, попала в самую точку.

— Рисовать чью-то жизнь — это то, что я хотела, — сказала Вера. — Спасибо, что ты мне разрешаешь.

— Для меня это важно не меньше, — говорю я. Вера смотрит в окно.

— Я чувствую себя там, в этих картинах, в этой краске, в этих кисточках. Мне все это нужно. Все, что у меня есть, лежит вот в этом рюкзаке, — Вера показывает на свою большую сумку. — Когда-то у меня была машина. Была даже своя квартира. — Вера глубоко и медленно вдыхает воздух. — Был муж, — медленно и протяжно выдыхает.

Вера не переставала меня удивлять. Удивлять своими картинами. Удивлять своими короткими рассказами.

— У меня все хорошо, — говорит она, — я вообще-то по образованию юрист. У меня была своя небольшая фирма. Далеко не бедствовала.

Я слушаю. Смотрю на ее темные волосы. Чувствую, что надо спросить:

— А что случилось?

Вера поворачивается ко мне. Смотрит в глаза. Выражение ее лица странное. Не суета, не грусть, не радость, не спокойствие. Не удивление, не печаль. Ничто.

— Я построила свой капкан, и сама в него добровольно залезла. — Вера отворачивается. — Не спрашивай, не спрашивай. Я не смогу ответить.

Вера нечасто рассказывала о себе. И такие коротенькие истории были для меня важны. Моя художница была для меня загадкой. Я привык к ней и, казалось, хорошо ее знал. Когда я видел, что она делает, ее жесты, ее движения мне казались знакомыми с детства. Но в то же время я не знал ее совсем.

В субботнее осеннее утро мы пошли гулять. Вера взяла с собой одну из своих маленьких сумок. В нее она положила несколько чистых листов и цветные карандаши. Свои маленькие тряпичные сумочки она хранила в большом походном рюкзаке.

— Куда пойдем? — спросил.

— Не важно, ни капельки не важно, — монотонно ответила Вера.

Мы пошли просто по дороге. Моя художница увидела сметенные в кучу листья.

— Смотри, листья, — засмеялась и побежала к ним. Я пошел за ней.

— Листья — это мазочки краски.

Вера набрала в руки листьев и подбросила над собой.

— Каждый лист — это холст, — сказал я, протянув ей один.

Вера подбросила еще раз.

— Я хочу понять, как они падают, — даже не мне, а, скорее, себе сказала Вера.

— Правильно. Что еще с ними делать. Лишь сметать и подбрасывать.

Мы услышали стремительно нарастающую ругань за спиной. К нам, матерясь, бежал дворник.

— Пора быстренько уходить, — прошептала Вера.

Мы перебежали через дорогу. За спиной, сигнала, пронеслась машина.

Мы шли по дороге. Всегда вперед. Шли, не задумываясь куда.

— Я раньше сильно привязывалась к вещам, к мелочам, к каждой пылинке дома.

— Почему же привязывалась?

— Я все ставила на свои места, буквально по линейке ровняла. Меня это уничтожало и мне казалось, что все не в порядке.

— Капкан, — тихо сказал я.

Вера смотрит себе под ноги.

— Я хочу летать. — Смотрит на меня. Улыбается. — У меня был период, я рисовала птиц. Только полет.

— Полет, — повторил я, — хочешь шоколадку?

— Шоколадку, — повторила Вера, растягивая буквы «о», — буду.

У меня был с собой шоколад. Я отдал его Вере.

— Ты любишь звон колоколов? — спрашивает Вера.

— Люблю. У меня всегда дух захватывает.

— И я люблю. Я рисовала картину. На ней колокольня. Я ее перерисовывала много раз. Хотела передать звук краской. Чтобы смотреть и слышать. Не получилось.

— Получится.

Перед нами показалась церковь. За церковью стоял старый трехэтажный дом. Его должны были сносить. Жителей переселили, окна забивать не стали. Стекло в рамах было разбито. Каждый прохожий мог безнаказанно кинуть камень в окно.

— Полезли вовнутрь, — предложил я. Интерес к таким местам у меня возник еще в детстве.

— Да, да! Полезли, — Вере эта идея понравилась.

Мы пролезли в окно. Я запрыгнул сам. Втянул к себе Веру. Обломки стекла валялись на подоконнике. Вера боязливо поглядывала на них.

Мы оказались в покинутой квартире. Запах плесени и сырости ударил в нос. Штукатурка сильно обсыпалась. Трещины густо покрывали стены. Остатки некогда бывшей жизни в виде непонятных тряпок, тапочек, разбитых кружек и многого другого хлама купалось в плотном слое пыли, грязи и побелки.

— Пойдем туда, — сказала Вера и указала рукой на перекошенную дверь.

Квартира была трехкомнатная. Вера достала запасенные листочки и начала что-то рисовать. Я не стал отвлекать ее и ушел в другую комнату. Комната была больше остальных двух. В ней было *что-то* особенное. Когда находишься в заброшенном доме или квартире, кажется, что слышишь *каким-то* внутренним ухом обрывки фраз из жизни этого места. Порой даже мелькают перед глазами кадры из прошлого этих стен. В этой комнате ничего подобного со мной не происходило. Там не было обоев — ни малейшего обрывка. Похоже, их не было и раньше. Как и паркета. Стены и потолок были голые. Ни следа штукатурки и краски. Словно помещение не до-

строили. О том, что было здесь раньше, можно было только догадываться.

Я прошел на кухню. Небольшая, почти вся обложенная плиткой, она пестрела своими цветами. Рама была окрашена в фиолетовый цвет. Плитка над раковиной краснела нарисованными цветками. Зеленые лепестки украшали подоконник.

Я заглянул в комнату, где находилась Вера. Она увлеченно рисовала. Красный карандаш выпал из рук моей художницы. Остро заточенный грифель, ударившись о пол, сломался. Вера растерла отвалившийся красный кусочек ногой. Подняла карандаш. Извлекла из сумочки пятисантиметровый ножичек. Стала затачивать карандаш заново.

— В детстве я любил лазить по заброшенным домам, — сказал я, — на севере было место под названием Ущелье. Все дети называли его так. Это было очень важное место в нашей жизни. Заброшенные трехэтажные дома заносило снегом. Появлялась горка. Скатываться с нее было и страшно, и увлекательно.

Вера молчала. Улыбалась. Я вспоминал детские игры.

В детстве с друзьями мы часто играли в войнушку в заброшенном садике. Бегали по этажам, наступая на головы поломанным куклам. Бегали всегда парами. В одиночку было страшно. На стенах краской были нарисованы животные. Когда-то они украшали садик и дарили детям радость. Теперь, полуразрушенные, выглядывая из-за горок отвалившейся штукатурки, рисунки отдаленно напоминали о когда-то бывшем здесь детском мирке.

Вера продолжала рисовать. Мне не терпелось посмотреть на ее набросок. Она догадалась о моем желании.

— Попозже, — сказала, —дорисую только.

У меня зазвонил телефон:

— Алло? — спросил я.

— Привет. Это Серега.

— Привет.

— Слушай, подработка есть. Надо?

— Что делать?

— В доме отдыха дворником. Всего неделю.

Тысяча в день.

— Надо подумать.

— Думай скорее. Нужно двоих. Соглашайся.

Можно заселиться там. Кормят два раза в день. Если заселяешься, то по восемьсот. Там хорошо. Тихо. Надо прибраться до приезда отдыхающих.

— Я перезвоню через пять минут. Можно?

— Давай, жду ровно пять минут.

Я рассказал Вере о подработке.

— Да, да, да! — обрадовалась. — Это очень кстати. Это очень-очень кстати. Мне сейчас нужны листья. Там будет тихо. Соглашайся! Поехали!

Я позвонил Сергею и дал согласие. Вера смотрела на меня и улыбалась. В правой руке она держала листочек с наброском. Протянула его мне.

— Для меня это важно. Мои желания управляют моей жизнью. Я хочу понять осень. Я хочу нарисовать ее. Листья. Это настроение. Понять суть листопада. Увидеть его краски. Почувствовать ее цвет. Нарисовать ту самую поэтическую осень.

Я смотрел на набросок и не мог поверить своим глазам. Вера заметила удивление на моем лице.

— Что? — спросила она.

Мне захотелось смеяться. Я смеялся от радости. Смотрел на набросок.

— Ты просто прекрасна, — сказал я, — ты молодец!

— Что, что?!

На листочке был нарисован заброшенный садик. Зритель видит то, что происходит внутри, словно смотрит сквозь стену рентгеновским зрением. Группа детей в одной из комнат. Они держали палки в руках, как огнестрельное оружие. Другая группа детей была нарисована на этаж выше. Они так же были вооружены палками. Перед входом в здание была полуразрушенная детская площадка. Уцелел лишь один детский деревянный грибочек. Покосившись на бок, он завис в готовности упасть.

— Ты нарисовала еще не рассказанную мной историю. Когда мы пришли сюда, я думал об этом! Я в детстве играл в заброшенном садике.

Вера коварно заулыбалась.

— Теперь нам никуда не деться друг от друга, — сказала она, после чего тихо добавила: — Пока не дойдем до цели.

Я смотрел ей в глаза. Я чувствовал привязанность к ней. Эту связь сложно объяснить. Она тонкая и незаметная и в то же время сильная и обнаруживается в такие, как сейчас, моменты. Я смотрю на Веру и чувствую, что мы должны...

— А в чем цель? — я.

Взгляд Веры становится задумчивым и немного печальным.

— В том, что мы делаем, — отвечает она.

Но и она, и я знаем, что нужно следовать дальше. Зачем? Мы живем вместе в постоянном предчувствии чего-то значительного. Мы живем, и я знаю, как и я, моя художница испытывает муки. Те легкие страдания, о которых мы никогда не говорим, которых никогда не пока-

зывает. Мы живем вместе. Мы живем тем, что делаем. То, что мы делаем, меняет нас. Это и есть наш смысл. Страшно думать о цели. Цель предвещает конец. Конец стремлению. Пустота.

Новый холст. Чистый лист.

Листья

СЕРГЕЙ НАС ждал около ворот дома отдыха.

— Опоздали на десять минут, — сказал он.

— Не могли найти маршрутку, — оправдывался я.

Мы вошли.

— Держите пропуска, — сказал он и протянул мне две картонки размером с визитку. — Если будете выходить за территорию, на проходной показывайте. Внутри не обязательно. В корпус вход по паспорту, в общем, я сейчас все покажу.

Мы двигались по широкой дороге, ведущей в центр дома отдыха. По левую и правую сторону стояли небольшие деревянные домики.

— Это склады, — сказал Сергей, — спортивный инвентарь, белье, техника. Всякая другая ерунда. Кстати, грабли, метлы в одном из них. Вон в том.

Сергей указал рукой на единственный желтый домик. Остальные были выкрашены в синие, красные и зеленые цвета.

— Здесь все отделы по цветам. Ваш цвет желтый. Вам выдадут желтые бейджики. Прицепите их, когда будете работать. Администрация требует. Кстати, ее цвет белый. Здоровайтесь. Другие цвета не важны. У администраторов дом с белой дверью. Увидите.

Мы оказались на небольшой круглой площади. Свернули с нее направо. Перед нами появился двухэтажный домик с большой белой дверью. Зашли внутрь. Усатый, плотного телосложения мужчина поздоровался с нами.

— Вот, — сказал Сергей и указал на нас рукой.

— Так, так, — сказал мужчина.

Мы сели на стулья. Администратор обозначил время работы. Объяснил, где мести, как работать, что делать с листьями, в какое время завтрак и обед.

Сейчас позвоню в жилой корпус. Скомандую, вас пустят, — добавил он и протянул ключи от склада.

Наша комната оказалась лучше, чем я ожидал, — две большие кровати, свой санузел, большое окно с видом на предстоящую работу — парк. Вера сразу же разложила свои кисточки и краски.

— Уютная норка, — сказала она, спрятав листочек и карандаш в карман.

Мы пошли работать. Взяли грабли. Первые часы я мел очень тщательно. Вера периодически подбирала листочки. Крутила их в руках. Разглядывала. Некоторые даже спрятала в карман. В парке было тихо. Деревья медленно раскачивались. Листья. Вокруг было множество листьев. Я заметил увлечение в глазах моей художницы.

— Это холсты, — говорила она, — это слезы деревьев, — сказала она, собрала в охапку и подбросила вверх.

Я увидел идущего к нам седого старичка. В руках у него была метла. Он шел медленно. Смотрел в сторону. Старался нас не замечать. Обратил внимание, как только подошел.

— Доброе утро, — сказал он, — вы на листьях. А я дороги подметаю. На неделю приехали?

— Да, — ответил я, — на неделю.

— Ясно. Дни быстро летят. Успеете?

— Успеем.

— Ничего. Утром спать хочется. Потом днем в сон клонит. Можно работать и не в указанное время. Ладно, я пойду. Мне надо убраться. Вон туда, — и указал метлой.

Я посмотрел ему вслед. Вера продолжала рассматривать поднятый листочек.

На следующий рабочий день старичок опять появился:

— День добрый, нравится вам здесь?

— Здесь хорошо, — ответила Вера, не отрываясь от работы.

— Да-а, — протянул он, — здесь хорошо. Я работаю уже пятнадцать лет. Здесь и живу. До этого был преподавателем музыки. Всю жизнь преподавал в Москве. Устал. Устроился сюда. Денег меньше, зато спокойно. Тихо. Жена в Москве осталась. Дети выросли. Иногда видимся.

— А живете здесь — это где? — спросил я.

— Да прямо здесь. В домике, — он указал метлой на небольшой синий домик, — никто не возражает. Я ведь еще и охраняю одновременно. Понимаете?

На дороге стоял администратор. Увидел нас. Подошел к нам.

— Сан Саныч! — крикнул он. — Отвлекаешь? Иди работать. Не мешай молодым.

— Я не мешаю, я...

— Иди, сказал! — и топнул ногой. — Поговорить лишь бы. Ты вчера главную дорогу не убрал?

— Я сегод...

— За свой счет теперь обедай. Иди. Сегодня не уберешься, завтра без обеда и завтрака оставлю.

Сан Саныч ушел.

— Любитель поговорить, — с усмешкой сказал администратор и пошел за Сан Санычем.

— Интересный старичок, — сказала Вера, — я раньше очень хотела жить в своем домике, где-нибудь в тихом месте, — была даже такая возможность.

— Передумала? — спросил я.

— Нет, — ответила она и вздохнула, — боюсь себя. Иногда страшно оставаться надолго в одиночестве. Плохо мне. Боюсь собственных мыслей. Я еще не готова к этому. Чувствую, что-то мешает. Хочу избавиться от помех. Знаешь, — Вера посмотрела на меня, — говорят, что каждый строит свое счастье.

— Знаю.

— А я считаю, что каждый строит свое одиночество. Я вот рисую. Мне хорошо. Без этого хуже. Когда картина готова, мне спокойно. Проходит день, мне опять не по себе. Я рисую еще, на какой-то момент мне лучше, чем раньше. Но потом еще хуже.

— Я ездил на Украину, к родственникам. Жил в домике, в селе, — начал я, — жил один. Рядом с селом есть скалы. Пешком можно дойти. Сверху покричать хорошо. Сидишь на скале. Дует ветерок. Солнышко печет. Время идет медленно-медленно. Немного скучно жилось. Но потом привык. Я часто ходил на скалы. В один из вечеров задумал пойти утром. Но не пошел. Как раз в это утро ветер сильный был. До сих пор вспоминаю. Пошел бы — сдуло. Любил остаться со своими мыслями. Или просто отдохнуть в тишине.

Вера кидает на землю грабли.

— Расскажи подробней.

Я перестаю мести. Закрываю глаза. Старую увидать все вновь.

Листья не страшны. Они даже красивы. Когда они лежат на земле, приятно по ним пройтись. Сгрести в большую кучу и прыгнуть в нее с дерева. Было начало осени. Листочков опало совсем немного. В домике не было постоянных жильцов. Иногда его сдавали. Иногда в него приезжали отдыхать. На пару месяцев в него заехал я. Я любил гулять. Закрывал дверь. Брал с собой бутылку воды. Выходил на дорогу и шел по ней, не сворачивая, до тех пор, пока не упирался в каменный забор. От него начинались частные поля. За кукурузным и пшеничным полями начиналась горка. Я шел по тропинке, ведущей вверх. Шел около часа. Для незнающего местности гостя это тропинка могла быть опасной. Совсем незаметно горка перерастала в скалы. Сразу, резко. Когда поднимаешься, скал не видно. Но когда ты наверху, понимаешь, — ты шел по ним.

Утром, я сидел перед домом. Было тихо. Мой домик был на возвышенности, я видел горизонт. На всю жизнь я запомнил наставшую вдруг тишину. Птицы не чирикали. Не было даже самого слабого ветерка. Было такое впечатление, что воздух замер. Листья на деревьях не шевелились. Мир остановился. Ниже, рядом с моим домом, был соседский огород. Протянутый в него шланг поливал высаженную рядками картошку.

Стало темнеть. Медленно, все *небо* стало желтым. Деревья, далеко на горизонте,гнулись и колыхались. Они напомнили мне морские волны при шторме, такие я видел на севере. Я услышал гул. Он все набирал и набирал силу. Он становился сильней и сильней, заполнив все вокруг.

Маленькие воронки появлялись повсюду, врезаясь в дом, друг в друга. Соседский шланг, крутясь, словно кобра под раскачивание флейты, поднимался из огорода вверх и разбрызгивал воду. Вдалеке небо начало чернеть. Оно стало закручиваться, образуя одну большую воронку. Я поднял голову и увидел мелкий мусор, маленькие листочки высоко над собой. Над собственной головой, над домом, на высоте птичьего полета. Тогда меня напугали листья. Воронка в небе вбирала в себя весь этот мусор. Я увидел ствол смерча, петлявшего из стороны в сторону. Он мчался ко мне. Прежде чем я успел что-то подумать и предпринять, смерч с диким воем пролетел в километре от моего домика, забросив кусок шифера в окно. Стекло звонко разбилось. И стало опять тихо. С неба посыпался песок с землей и мелкими камушками. Листья кружили в воздухе, медленно, опускаясь.

Я никогда не забуду ту тишину перед ураганом. Иногда я слышу ее просто так. Значит, где-то происходит нечто значительное.

— Вот и вас заразил, — раздался голос за спиной. Это был администратор. Я не заметил, как он подошел. — Работайте, работайте. Вы можете и говорить, и работать. Да.

— Да, да, — сказал я.

Мы взяли грабли. Все оставшееся время работы мы с Верой молчали. Каждый думал о своем. Только вечером Вера произнесла:

— Такой интересный старичок. Нам с тобой еще нужно дойти до конца, — и посмотрела грустными глазами, — я бы пронеслась ураганом по миру. Ветром. Сорвала бы шифер с крыш. Раскидала бы всех по разным частям света. Чтобы каждый искал друг друга и стремился навстречу, преодолевая океаны и пустыни.

Вера залезла на подоконник. Стала ходить назад и вперед между баночками с краской и кисточками.

— А что значит дойти до конца? — спрашиваю.

В ответе я не нуждаюсь, но Вера отвечает:

— Не дойдя до него, я не могу тебе ответить, — и сознательно столкнула баночку с белой краской. Краска выплеснулась на пол. Белая клякса. — О-е-е-й! — воскликнула моя художница, словно произошло что-то случайное.

Мы недолго посидели в тишине. Потом легли спать.

Сон был глубокий и приятный.

Встали рано.

Пошли работать. Утром, с граблями в руках, еще не понимаешь, что проснулся. Парк кажется сонным, шелест собираемых листьев громким. Вера работает медленно. Движения мягкие. Во взгляде полузабытье. Я тоже не тороплюсь. Прохладный ветерок бодрит, а главное, никакого шума. Тихо.

Просыпаешься спустя полчаса как начал работать. Вместе с тобой просыпается все вокруг. Иногда останавливаешься и смотришь на верхушки деревьев. На небо. В эти минуты мыслей нет совсем. Смотришь просто так.

Настало время завтрака.

— Пойдем, — говорю я Вере.

Она кивает в ответ. Бросает грабли. Не доходя до меня, намеренно падает в собранную мной кучу листьев. Переворачивается на спину.

— Я бы вот здесь прям и заснула, — сообщает.

Недолго думая, я ложусь рядом. Земля прохладная, но на листе мягко.

— У меня мог быть ребенок, — говорит, повернувшись ко мне.

Я пытаюсь понять, почему Вера именно сейчас об этом сообщает. Ответа не нахожу. К черту их.

— Почему мог быть? — тихо спрашиваю.

— Выкидыш, — отвечает и встает, — пойдем завтракать.

Я молча встаю и мы идем.

В столовой мы садимся за столик около окна. Я делаю глоток кофе.

— Можно? — спрашивает подошедший Сан Саныч. Я киваю. Садится рядом. — Приятно позавтракать, — желает он нам.

— Взаимно, — отвечает Вера.

— Работается хорошо? — спрашивает Сан Саныч.

— Да, — отвечаю я.

— Сегодня моему внуку десять лет, — гордо заявляет дворник. Смотрит в окно. Достает из кармана пару кусочков сахара. Кладет в кофе. Размешивает. — Уже большой. Хороший он. Только врачи говорят, что больной. — Пьет ко-

фе. — Когда родился, все очень радовались. Потом, когда подрос, стали замечать за ним всякие странности. Он молчал. Почти всегда молчал, лишь иногда говорил. У него периодами было. Может долго молчать. Неделями. Смотрит на тебя своими большими глазами и молчит. Потом раз заговорил. Такие вещи рассказывает. На своих сверстников он совершенно не похож. Сидит в своей комнате. Очень любит всякие головоломки разгадывать. Ребусы любит. На улицу боится выходить. Встанет около калитки, смотрит на дорогу. Мальчишки соседские пробегут мимо, он при виде их бежит домой. Врачи говорят, что он ребенок индиго. Так, говорят, болезнь называется. Это на заграничный манер. По-нашему «гиперактивность». Но я вижу, что он здоров. Он просто другой. Взгляд у него умный. Я иногда смотрю — мне не по себе становится. Чувствуется, что он личность. Смотрит взросло-взросло. Только когда смеется, на ребенка похож. А так на взрослого.

Сан Саныч откусил кусок запеканки. Отпил кофе. Посмотрел по сторонам. Наклонился к нам и зашептал:

— Я интересовался, говорят, что это новая раса людей. Наша скоро исчезнет... Слишком она загнала себя. Выродимся. В тупике мы сейчас. Говорят, что такие дети вовсе не молчат. Они на расстоянии общаются. — Сан Саныч еле слышно зашептал: — Им по-своему жить хочется. Понимаете. Их просто слишком мало, чтобы заявить о себе. Может, я и сумасшедший, но знаю — это так. Ничего нового в жизни и общении между слоями людей не появится. Придет новый человек.

Сан Саныч доел. В столовой было шумно. Но даже через этот шум на меня обрушилась та, необычная тишина. Мы молча позавтракали. Перед работой решили пару часиков посидеть в номере. Вера хотела рисовать. Рассказ дворника меня впечатлил. Мне хотелось подумать.

— А ведь есть в этом правда, — сказала Вера уже в номере, — я про внука дворника. На устах подобные истории. Многие говорят о таких делах. Они рождаются повсюду.

Я молчал. Вера приготовила все для рисования. Потом сказала:

— Я тоже чувствую какой-то тупик. Все как-то остановилось. Что-то скоро должно произойти. Нечто, что все изменит.

Я не отвечал. Я безмолвно соглашался. Вера набрала в баночку воды. Намочила кисточку. Начала размачивать белую краску на полу. Размочив, окунула в нее кисть. Рядом с белой кляксой, прямо на пол, вылила немного розовой краски.

— Иногда мне кажется, что я заблудилась, — промолвила Вера, — дорог в мире много. Можно бесконечно гулять. Но по какой дороге или тропинке нужно пойти. Знаешь, — Вера выдержала небольшую паузу, — меня не покидает желание вернуться. Вернуться в Питер. После того как мы переехали, я ни разу там не была. Если бы хоть на денек. Посмотреть на свой парк перед домом. Мне он постоянно снится. Это тревожно. Я там все детство провела. Правда, не знаю, чего ожидать.

— Это ты узнаешь только когда окажешься там, — сказал я и улыбнулся.

Вера посмотрела на меня. За все время нашего знакомства я впервые заметил огонек флирта в ее взгляде. Я вспомнил, как однажды сам потерялся. Мне захотелось, чтобы моя художница знала это. Мы давно не работали вместе. Я начал рассказывать. Она взяла холст.

Опасные прогулки

СЕВЕР. МАЛЬЧИК выходит из дома. Снег с дорог убран, по ним приятно ходить. Светит солнце, снег блестит желтым. Около дома железные ограждения — замерзший скелет крохотного цветника — как иллюзия жизни, ненужная. В нем никогда не растут цветы. Даже летом, освещенная холодными лучами солнца, эта клумба напоминает неудачную модель спокойствия. В этом есть что-то предательское.

По большой деревянной лестнице подниматься не страшно. Когда лестница покрыта льдом, можно легко поскользнуться. Когда-то поздним вечером по ней шел мужчина. Пьяный. Упал. Остался лежать. К утру замерз.

Мальчик идет за городок. Не доходя до заброшенных домов сразу направо. По плиточной дороге около полукилометра. Дальше сопки. Безмолвная белая пустыня. Ни деревьев, ни холмов. Ветра нет. Тихо. Иногда встречаются огромные куски гранита, словно кем-то беспорядочно разбросанные. Мальчик идет, все дальше отдаляясь от городка. Мысль устроить себе прогулку пришла еще вчера. До этого приходилось гулять рядом с морем, около причалов, рядом с домами. Но что там — за белизной сопки. Неизвестность приманивает. Любопытство.

Мальчик зашел уже далеко. За спиной видны только верхушки домов — маяк, для возвращения. Сопки молчат, не меняясь. Все так же спокойно дует ветер. Светло. Все так же тихо. Решение приходит сразу — пройти по прямой еще немного. Снег хрустит под ногами. Из-под

него местами торчат пучки засохшей травы. Мальчик беззаботно идет.

Домов не видно. Вокруг белоснежные равнины. Над головой голубое небо. Облака. Желтое солнце. И все. Ни одной души рядом. Мальчик помнит, в какую сторону ему нужно повернуться. Неторопливо падает снег, большими лохмотьями. Мальчик ловит снежинки и рассматривает их. Время уже близится к обеду. Хочется есть. Приятно стоять на месте и смотреть над собой. Приятно смотреть вверх и кружиться. Куда ни повернешься, везде одно и то же.

Над головой кружит снег.

Снег! Мальчика охватывает ужас. Снег!

Неужели он забыл одну самую важную истину, которую рассказывали ему охотники! Как он мог забыть про нее! Ему постоянно твердили: «Если не слушаешь родителей и пойдешь гулять в сопки, иди, когда не идет снег. Если снег пошел, немедленно возвращайся. Снег заметет твои следы. Не заходи далеко. Всегда оставляй видимый ориентир за спиной».

Мальчик поворачивается. Видит собственные следы. Идет по ним, но через несколько метров они исчезают. Сердцебиение учащается. Появляется чувство обиды. «Сопки обидели тебя и сейчас смеются над тобой», — думает мальчик, обращаясь к самому себе. Но вокруг все спокойно. Медленно падает снег. Про него нельзя забывать. «Ты забыл, и он может обидеться», — приходит в голову мысль. «Не обижайся», — говорит вслух, обращаясь к снегу. Если снег обидится, то начнет идти сильнее. Солнце светит. Тишина. Все спокойно и ничего не предвещает беды. Это спокойствие усиливает страх.

Мальчик бежит. Он бежит, как ему кажется, в сторону городка. Бежит долго. Но дома не появляются. Запыхавшись, приходится остановиться. От быстрого бега становится жарко. Страх становится привычным, сейчас. Не верится, что заблудился. Мальчик спокойно идет. Просто идет. Стоять на месте невозможно. Проходит час, но вокруг только сопки. Почему-то страх исчезает. В голову приходят мысли о том, что придется здесь замерзнуть. Но странно. Это уже не так страшно.

Проходит еще несколько часов. Мальчик идет не останавливаясь. Он идет не торопясь, уже не думая, куда прибудет. Смотрит на горизонт. Он не волнуется. Просто идет. Вокруг белеют сопки. Страх вовсе исчез. «Не стоит бояться сопки, — думает мальчик, — тогда они тебя отпустят». В груди появляется новое чувство. Оно не похоже ни на одно из тех, которые когда-то ощущал мальчик. Это чувство важнее всего сейчас. На мгновение кажется, что это чувс-

тво важнее жизни. Это ощущение вечного. Оно неизмеримо.

Впереди показывается огромный, заснеженный гранитный камень. Мальчик взбирается на него осмотреться. С первого раза вскарабкаться наверх не получается. После нескольких попыток все же удается. Вокруг ничего не видно, кроме сопки. Мальчик слышит звук, исходящий снизу. Из-за камня выбегает серый песец. От неожиданности мальчик вздрагивает. Песец смотрит мальчику в глаза. В них он не видит страха. Мальчик не может отвести взгляд. В глазах песца холод. Они словно светятся сине-ледяным цветом. В них видна свобода. В них одиночество.

Песец отводит глаза первый и бежит от камня. Метров через пятнадцать он останавливается и поворачивается. Смотрит несколько секунд. Убегает.

Мальчик замечает вдалеке еле заметную полоску домов. Раньше ее не было видно так отчетливо. Снег перестал идти. Радость переполняет. Мальчик бежит в сторону дома. Скоро он уже там.

Мальчик подходит к домам. Тело расслабляется, мальчик чуть не падает. На мгновение он

останавливается и смотрит в сторону сопки. Где-то там бегают полярный лис.

Облака зеленеют. С неба падает огромная зеленая капля. Падает на дом. Жидкость стекает на землю. Брызги летят во все стороны. Мальчик смотрит на испачканные зеленые руки. Это краска.

Я смотрю на холст.

— А! — восклицает Вера.

В левом углу, там, где нарисованы дома, я вижу зеленую краску. Вера взяла не ту кисточку и случайно капнула на холст.

— Ну вот, — говорит она, — маленький ляп, — откладывает картину. Берет ту, где нарисован лис. Ставит перед собой. Смотрит на нее. Я молчу. — Ладно, — говорит, — пока хватит.

Мы пошли работать. Не доходя до нужного места, Вера остановилась.

— Вон на лавочке Сан Саныч, — сказала моя художница, — пойдем к нему, я хочу кое-что спросить, — взяла меня за руку и потянула.

Мы подошли к лавочке.

— Ну что, отдохнули? — спросил дворник.

— Да, — ответил я.

Мы сели рядом.

— Вы нам рассказывали про своего внука, — тихо промолвила Вера.

— Да, — сказал Сан Саныч, — заинтересовались? Я кому ни рассказывал, всем неинтересно.

— Он так все время дома и сидит? — Вера.

— А-а. Нет. Все время не может. Точнее, не дают. Он в школу ходит. В свободное время — всегда дома. Очень мало гуляет. Родители говорят — иди погуляй. А он отвечает, что уже нагулялся, хотя никуда не ходил. Странный немного. Точнее, другой.

— Дети индиго, — говорит Вера.

— Они есть, — словно пытаясь нам доказать, произносит Сан Саныч. Мы и так верим. — Знаете, врачи говорят, что он необучаемый. Я так не считаю. Родители не знают, что думать. Иногда он их шокирует. В школе он неважно учится. Учителя называют его невнимательным. — Дворник достает сигарету. Прикуривает. — Я не согласен. Чувствую, его как-то другому нужно обучать. У меня есть знакомый врач. Он интересуется такими детьми. С внуком общался. Говорит, типичный ребенок индиго. Знакомый говорит, у таких детей оба полушария развиты одинаково. Они и в технике соображают, и образное мышление у них сильное. Внук рисует постоянно. Глаза всякие, животных необычных.

— О, это интересно, — сказала Вера.

— Ага, — кивает дворник, — он так чутко чувствует обман. Очень сильно расстроился, когда узнал, что Деда Мороза не существует. Подошел к родителям и спросил, почему его обманывали. Он порой бывает очень серьезен. На улице двое мальчишек после школы дуэль устроили. Подрались. Он к ним подошел и очень серьезно стал говорить, что нельзя так делать. Папа его много работает. Ребенка мало видит. Сын спрашивает маму, зачем. Ради денег, мама говорит, чтобы купить тебе все. Сын подумал и попросил маму, очень хитро, купить ему звезды. Порой очень уж серьезно размышляет он о Боге. Он о нем начал рассказывать, как только говорить научился. Удивляет он родителей. Они думают — фантазирует. Я послушал, боже мой, он в четыре года библейские заповеди пересказывает. А читать-то еще не умел тогда. Телевизор не смотрит почти. Отходит от него, когда включают. Мультки иногда. Как посмотрит, начнет рассказывать о своем мире. Да так детально, — дворник, улыбаясь, смотрел на нас. — А, что, испугались, — засмеялся, — не бойтесь. Каждый немного ребенок индиго. Просто за последнее время все больше проявляется это у детей.

— А... — хотела что-то спросить Вера, но Сан Саныч ее перебил:

— Так! Вон администратор идет. Сейчас опять начнет. Вы уж идите тоже. Штраф еще всем выпишет, — дворник встал, — напоследок скажу, неудивительно будет, если всех за собой поведет ребенок, — и ушел. Мы пошли работать.

В оставшиеся дни работы Сан Саныч нам не встречался. Администратор нам сказал, что дворник уехал на пару дней домой. Вера хотела спросить его о внуке что-то еще, но не случилось. Мы почистили нужную территорию раньше на день, чем предполагалось. Нам все равно заплатили, сколько обещали, и отпустили раньше. Было немного грустно, покидать дом отдыха не хотелось. Мы привыкли к его тишине, к его спокойствию и неторопливости. В автобусе ехали молча.

В переходе метро было пусто. Время приближалось к полуночи. Шли мы неторопливо, каждый думал о своем. Нам навстречу вышли трое парней. Что произошло, я не успел понять, но заметил дикий испуг Веры. Я хотел спросить у моей художницы, кто эти парни. Один, матерясь, подбежал к нам.

— Узнала меня, узнала! — кричал он Вере.

Я вопросительно посмотрел на нее, но вместо ответа увидел в глазах ужас.

— Это они, — прошептала моя художница.

Стало ясно, что просто так стоять бессмысленно, я ударил крикуна. Он упал. На меня сразу же набросились двое других и свалили с ног (что самое страшное в такой ситуации). Я прикрыл руками лицо. Они, матерясь, били ногами. Насколько я понял, Вера сбила одного из них с ног своим огромным рюкзаком. Я попытался встать. Последнее, что я увидел, — приближающийся к моему лицу кроссовок.

Когда я очнулся, заплаканная Вера сидела около меня. У нее была разбита губа. Двое неизвестных мужчин угрожали уже отошедшим ко входу в метро напавшим на нас парням. Между ними бегал невысокий старичок в одежде охранника, дул в свисток и просил всех успокоиться. У одного из мужчин в руке была бутылка пива, он разбил ее о стену и медленно пошел на тех троих. Троица убежало в метро. Неизвестно откуда появился, еле передвигая ноги, пьяный кавказец. Он посмотрел на нас, перевел взгляд на уже идущих к нам мужчин с разбитой бутылкой. Пропустив основное действие, он неправильно понял ситуацию:

— Не трогай их. Слушай, убей лучше меня, зарэж, — говорил он, встав перед нами, — зачём тебе они. Зарэж меня.

— Иди отсюда! — сказала Вера ему.

— Я помочь хочу! Зачем прогоняешь, — возмутился тот.

— Уже помогли, — ответила ему Вера.

Двое подошли. Помогли мне встать.

— А, боец! Ну-ка, посмотри сюда. А, не сильно. Только нос разбит. Пару синяков, ничего, пройдет. Я тебе советую кастет купить. Или бабочку. А лучше прутик носи с собой железный. Я почти всегда ношу, сегодня только забыл. А на самом деле лучше пистолет. Тогда точно никто не тронет.

Вера достала из кармана платок. Я им вытерся.

— Ребята, давайте выпьем. Угощу! — сказал мужчина.

— Нам надо ехать. Спасибо, — сказала Вера и потянула меня за руку.

— Спасибо, — тихо сказал я.

— А, не за что, — ответил мужчина, — обычное дело, — и засмеялся.

Мне показалось, что если бы мы его встретили в пустом переходе, то пришлось бы отбиваться от него.

Мы поднялись на улицу. Поймали попутку. Доехали до дома. Уже дома я спросил:

— Откуда они взялись?

— Они, похоже, сзади шли. Когда все началось, подбежали.

— Ясно, — сказал я. Посмотрел на Веру: — А эти трое кто?

— Я виновата. Это из-за меня. Я... Я у одного из них деньги брала.

— Долг?

— Нет, — Вера опустила глаза, — я украла. Это... это долгая история. Он был мне должен и не отдавал, я взяла сама. Немножко больше. На четверть. — Вера посмотрела на меня. В ее глазах я заметил флирт. То, что я узнал, меня не удивило.

— Бывает, — сказал я, — ты ведь другая сейчас?

— Я другая, — ответила Вера, — я так хочу избавиться от прошлого. Я сильно изменилась. Очень.

— Никто не без греха, — сказал я.

Для меня воровство моей художницы не имело значения. Мне не казалось это странным. Самым важным было наше дело. Я в очередной раз убедился, что не знаю ее.

Дорога домой

ВЕРА НЕ ПЕРЕСТАВАЛА извиняться за случай в переходе. Я не переставал убеждать ее в невиновности. С того дня многое изменилось.

Вера стала меньше рисовать. Редко просила рассказать ей что-нибудь. Она доработала все картины. Поставила их по порядку, в линию. Последнее время она работала над одним холстом, который мне не показывала. Утверждала, что доделает — покажет. Мы часто сидели в тишине, молча. Недавний случай в переходе связал нас общей бедой. Хотя, возможно, все могло быть иначе.

Вера часто сидела около окна. Молча. Смотрела в него и иногда сама себе что-то шептала. Я догадывался, что моя художница грустит по Питеру. Она о нем рассказывала с чувством восхищения и радости. Она хотела вернуться. Но боялась.

За последнее время я очень привык к Вере. Наши отношения изменились. Сейчас нашему делу стало что-то мешать. Когда я рассказывал моей художнице историю, я постоянно сбивался. Я смотрел, как она рисует, и видел, что у нее тоже не получается так, как раньше. «Что же мы потеряли?» — думал я. Мысли о Вере стали появляться все чаще и чаще. Я думал, пытаюсь понять, в чем дело.

В один из дней Вера дорисовала картину, за созданием которой она запретила мне наблюдать. Я посмотрел на холст. На нем была нарисована наша комната. В ней все в точности, до самой маленькой детали, было вырисовано. Был вечер. Вера нарисовала себя сидящей на полу. А я был напротив Веры. На холсте было все гармонично. Цвета играли аккордом, каждая деталь была на своем месте.

Эта работа самая лучшая!

Недавнее настоящее подобралось к белым холстам Веры и шагнуло на полотно. Меня не покидала мысль, что чаша нашего дела пустеет.

Я помню тот первый вечер, первый день, когда приехала моя художница. Помню начало нашего пути.

Совместная жизнь рано или поздно принесет свои плоды. Мы собирали богатый урожай картин. Мне удавалось жить еще раз в нарисованном Верой своем прошлом.

У нас стали появляться чувства друг к другу.

Это и стало мешать.

Я знал, да и моя художница, уверен, тоже прекрасно понимала это. То тонкое ощущение друг друга, чувство нужной дистанции рухнули бы как карточный домик под кирпичом желаний и быта.

Уже сейчас, в моменты осознания своих чувств, появлялись проблемы. Вере было сложно рисовать. Я с трудом рассказывал.

— Надо закончить то, что начали, — сухо сказала моя художница. — У меня бабушка цыган-

ка, — зачем-то добавила она. В ее глазах было спокойствие. И отчаяние.

— Поехали в Питер, — предложил я.

— Поехали, — ответила Вера, — а когда?

— Завтра утром!

Вера, даже не думая, ответила:

— Поехали.

— Автостопом. Ты же хотела вернуться?

— Я боюсь, — сказала моя художница, — боюсь не дороги. — Пауза. — Я хочу вернуться! Не знаю, что будет, когда увижу дом.

— Надо закончить то, что начали, — повторил я, — сама говорила. Боишься, значит, надо.

— Спасибо, — сказала Вера, — давай собираться.

Взяла все свои картины. Сложила в стопочку. Обвернула большой тряпкой. Уложила все в свой рюкзак. Он у нее безразмерный. Я всегда удивлялся, как она таскает с собой такую тяжесть. Я собрал свой небольшой портфель.

— Я хочу подарить тебе эту картину, — сказала Вера и протянула мне свою последнюю работу, где были нарисованы мы. Я смотрел на холст несколько секунд.

— Спасибо, — поблагодарил.

Вера ушла умываться. Я достал часть заработанных в доме отдыха денег и спрятал их в шкаф. Другую часть оставил в кармане. Прислушался, не идет ли моя художница. Поверх денег положил подаренную картину. Достал из своей сумки припрятанную белую розу. Подарить ей цветок лучше позже. Положил его на картину. Закрыв шкаф. Чем окажется роза, точкой ли или началом, я не знал.

Вера села на подоконник.

— Выключи свет, — попросила моя художница. Я выключил и сел рядом. В темноте я отчетливо видел силуэт Веры. Я видел сложенные руки на коленях. Ее плечи. Наблюдал, как она медленно вертит головой. Мне захотелось ее обнять. Но я не стал.

— Давай помолчим, — тихо промолвила она.

Мы сидели около получаса. Потом легли спать. Я долго не мог заснуть. За пару часов до раннего подъема все же отключился. Мне приснился север. Я увидел свой заполярный городок сверху, с неба. Казалось я медленно парю над домами. Я вижу крыши построек, они словно шляпки грибов белого цвета. Я медленно спускаюсь на землю. Передо мной дом офицеров. Я подхожу к входу. Смотрю на облака. Они темно-серые, плотные, в них есть нечто зловещее и коварное, они мне не нравятся. Сделав шаг, я краем глаза замечаю человека справа от меня. Я двигаюсь в его сторону. Он

сидит на ступеньках, в пуховике, без шапки. На его голову опускаются снежинки. Я узнаю в нем своего учителя по труду. Он курит. Я заглядываю в его глаза. Они словно стеклянные. В них нет ничего. Выражение отсутствует. Он поворачивается ко мне и приглашает присесть рядом. Я сажусь. Он говорит мне, что осталось чуть-чуть. Я не понимаю его и об этом говорю. Он поясняет мне. Я узнаю, что, кроме нас с ним, в городке больше никого нет. Все ушли. Я спрашиваю куда. Он кивает головой в сторону моря. Я смотрю на море. Вдалеке, уже на горизонте, виднеется белая точка. Это корабль! Я спрашиваю, почему они уплыли. Он смотрит мне за спину. Я поворачиваюсь. За домами, далеко на горизонте, я отчетливо вижу, как с неба на землю резко падает белая линия. Она становится все больше и больше. С каждой секундой вертикальный снежный столб пугает меня все сильнее. Я слышу гул, он становится громче. Это смерч! Это ледяной смерч! Он движется прямо на нас! Это огромная снежная воронка! Не может быть! Мне становится страшно. Бежать некуда, понимаю я, и просыпаюсь.

Прошло всего два часа как я заснул. Будильник зазвенел. Вера уже встала. Она сидела на подоконнике.

— Доброе утро, — пожелала она.

— Взаимно, — ответил я.

— Я уже час как не сплю, — сказала Вера и коварно улыбнулась, как часто бывает.

Мы вышли на улицу. Доехали до Ленинградского шоссе.

Машин было много. Периодически водители останавливались, но никто не хотел подвозить бесплатно. Мы долго голосовали. Наконец, остановился грузовик.

— Мы в Питер, — сказал я водителю, — пожалуйста, за город подвезете?

Водила кивнул. Ехали молча, наконец, он спросил:

— Путешествуете?

— Да, — ответил я.

Прошел еще десяток минут. Молчать было неудобно. Я стал задавать вопросы. Спрашивал о работе, о грабежах на дорогах. Водитель рассказывал анекдоты, я старался смеяться над ними. Поддерживать беседу было необходимо. Водитель взбодрился. Говорил о своей семье, о детях. Мне ничего не оставалось делать, как быть активным собеседником.

— Я вас подобрал, чтобы не заснуть, — сказал он, — одному скучно. Дорога баюкает. Разговор сон отбивает. Вы смотрите, если я к рулю начну клониться, толкните меня.

Через несколько часов он нас высадил. Ему было не по пути. На шоссе легче поймать машину. В основном нас подбирали дальнбойщики. У всех я спрашивал одно и то же. Каждый отвечал по-своему, но, по сути, все ответы были похожи. Мы ничего не ели весь день. Уже ближе к шести часам вечера стало немного страшно. Мы стояли на обочине. Половина пути была проделана. Возвращаться уже бессмысленно. До Питера и до Москвы одинаково. Мы стояли, вглядываясь в лобовое стекло каждого автомобиля. Никаких желаний не было, кроме одного желания. И я, и Вера хотели поскорее оказаться в машине. Стало холодать. Наконец, нас подобрал очередной дальнбойщик. С ним разговаривала Вера. У меня уже не было сил задавать одни и те же вопросы. Я сидел на диванчике за передними креслами. Водитель долго рассказывал о своей матери, которая живет в Мурманске. Явно соскучился. Он говорил, что она живет одна. Когда он рассказывал про мать, я вспомнил похожую на нее по описанию старушку. Рассказал про нее. Она жила у нас в городке, на севере. Мы жили в квартире, на первом этаже, и я часто сидел около окна, наблюдая за улицей. Мимо, изо дня в день, ходила бабушка. Она шла до конца улицы. Потом шла обратно. Она всегда ходила с маленькой пушистой собачкой. На голове собачки был маленький красный бантик. Я узнал, что эта бабушка живет в городке всю жизнь. У нее был муж, но он утонул, когда произошло крушение судна капитана Бессонова. Сыновья, как и отец, любили море и стали подводниками. Как и отец, они утонули. Но не на корабле. Они разбились о скалы, катаясь на катере. И утонули.

Бабушка жила одна. На краю земли. Иногда заглядывала в школу, где в прошлом преподавала. Каждый день я смотрел на нее и на ее вечно живую собачку. Старушку не было жалко. Почему-то мне становилось спокойно.

Когда я рассказывал, я заметил, что Вера рисовала карандашом на листочке. Потом на мгновение остановилась. Смяла листочек и, приоткрыв окно, бросила его туда. Но он не улетел на асфальт. Ударившись о стекло, он оказался у меня на диванчике. Я развернул его. Моя художница пыталась изобразить эту бабушку, окно, собачку. Но у нее не получилось. Раньше такого не было. Она всегда попадала в точку с первого раза.

Этот дальнбойщик отличался от других. Он не рассказывал анекдотов, он спрашивал про нашу жизнь. Мы разговорились с ним.

— Ты жил в Мурманской области ведь, — говорил он. — Да, знаю я, как там порой бывает.

Я в Мурманске, а ты еще дальше, за полярным кругом! Надо же. Слышал я, в таких городках с электричеством проблемы всегда.

— Со светом бывали проблемы, — говорю я, — но не всегда. Редко, но надолго. Один раз на месяц отключили. Полярная ночь была. В обед уже темнота. Жили при свечах. Готовили на огне, на керосинках. Раз так! Нет электричества и все — ты в другом веке. А если еще где в трубах вода замерзнет — трубы лопнут — воды нет. Еще веселее. Самое интересное, жили весело. С соседями общались, смеялись.

— Погибать, так с музыкой, — сказал водитель.

— Да, — говорю я, смеясь, — верно.

Остаток пути до Питера мы проделали в компании этого дальнбойщика. Периодически он замолкал, минут на двадцать, после чего опять спрашивал.

— Я с женой поссорился, — тихо промолвил он, — плохо это. Перед отъездом ссориться невыносимо. Всю дорогу думаю, как она там, — он посмотрел на нас, — если бы не ссора, вас бы не подобрал. А так хоть поговорить можно. Отвлечься.

— А долго рабочая смена длится? — спросил я.

— Когда как, — ответил он, — груз довезешь — конец смены. Я от предприятия работаю. Неделю в дороге, неделю дома. Процент свой от груза платят, за перевозку. Смотря что везти. Я ценный груз не люблю, опасно. Нервничаешь постоянно, — дальнбойщик улыбнулся, — прошлая поездка в Нижний Новгород была. Точнее, в область. Устал я сильно. Решил переночевать там. В кровати поспать. В салоне невыносимо. В одной деревушке домик снял на ночь. Представляете, в жизни никогда такого не видел. В общем, история такая, — дальнбойщик серьезно посмотрел на нас. — Жили старичок с бабушкой. Возраст уже преклонный у них был. У старичка нога больная была. Какая болезнь — не знаю. Больную ногу он клал на небольшую чурочку. Чурочку никому не давал. Говорил, что помогает она ему — боль снимает. Много он с ней времени проводил. Каждый день часов по пять, сидел или лежал — всегда с ней. Даже ночевал с ней, — водитель с ухмылкой глянул на нас, — старичок умер. Через полгода чурочку его расколоть решили. Я вот этот момент и застал. Пошел я попрощаться, уезжать было пора. Старушка эта мне дом сдавала. Захожу во двор, внук дрова колет. Я тогда про чурочку и не знал ничего. Смотрю, хорошо дрова колет! Поставит чурбанчик. Топором даст, на две части — раз! Прощу его бабку позвать. Бабка пришла, в руках чурочку дедовскую держит.

Внуку дает, просит расколоть, какая от нее еще польза, мол. Внук поставил. Раз топором, да не расколел. Топор отлетел, словно от камня. Внук второй раз даст, топор из рук вылетел, а чурочка на две равные половинки распалась. Я смотрю, не могу глазам поверить. На одной из половинок распятие из смолы вылито. Четкое. Словно мастер делал. Оставаться я не мог, надо было ехать, я и так много времени потерял. Только и успел расспросить про эту чурочку, мне и про старичка рассказали. Дослушал и пошел. Вот так случай.

Больше дальнбойщик нам ничего не рассказывал. Всю оставшуюся дорогу он молчал, лишь иногда мы слышали тихую ругань от него на других водителей. Я сладко задремал.

— Все, ребятки, — сказал дальнбойщик, — приехали. Черная речка.

Мы добрались до Питера.

Питер

ВЕРА ЗАМЕТНО оживилась. Я, сонный, шел за ней. Она поймала попутку, мы доехали до гостиницы. Моя художница не говорила, где мы будем ночевать, она все предусмотрела и не волновалась на этот счет. После долгой дороги я мечтал поспать на простой кровати. В гостинице я сразу же лег спать.

Проснулись мы ранним утром. Привычка вставать рано осталась с дома отдыха. Мы позавтракали. С виду Вера была спокойна, но что-то ее внутренне тяготило.

— Пойдем погуляем, — сказала она, — я хочу посмотреть на свой дом.

Мы вышли на улицу.

— Здесь недалеко, — тихо промолвила моя художница и щелкнула костяшкой пальца.

Мы прошли пару сотен метров. Я не поспевал за Верой. Она почти бежала.

— Еще немного, — негромко сказала она, — за этим домом будет ДК, а чуть дальше мой дом, — она говорила, не поворачиваясь. Я еле слышал ее.

Глядя на большой рюкзак моей художницы, я в очередной раз удивлялся ее выносливости и силе. Было забавно смотреть на такую дюймовочку с походным рюкзаком. Мы завернули за ДК. Вера резко остановилась. Я это место видел впервые, но для Веры оно много значило. Сейчас я видел свою художницу в необычном настроении. Ее брови чуть дрожали. Руки крепко сжимали лямки рюкзака. Глаза были широко раскрыты. Она смотрела в сторону дома, не отрывая от него взгляд.

— Вон мой подъезд, — сказала она очень тихо и указала рукой.

Я увидел подъезд, для меня ничем не отличающийся от других. Старый. Потрепанный временем. Вера очень медленно пошла к нему. Мы подошли почти вплотную, как Вера вдруг остановилась.

— Вот заборчик, — сказала она и дотронулась рукой до небольшого ограждения метровой высоты, — в детстве он казался мне огромной стеной, — добавила: — До сих пор стоит.

Я молчал. Мне нечего было сказать. Я почувствовал спокойствие. На мгновение мне стало жалко мою художницу. Она так хотела вернуться, как мне казалось, сама не зная куда. Возможно, этим возвращением Вера и жила последнее время. Этот двор все тот же. Тот же и подъезд. Те же окна, двери. То же, но не то. Все уже совершенно другое. Она изучала каждый сантиметр этого дворика. Я сел на лавочку. Вера очень медленно переходила от одного места к другому. Сделает шаг. Остановится. Стоит, словно прислушиваясь к звукам двора. Или прислушиваясь к себе.

Не больше получаса моя художница изучала дворик, после чего села со мной рядом. Она молчала, ее лицо было совершенно спокойным.

— Вон там окно квартиры, где я жила, — Вера указала рукой на него. Форточка была открыта. Поток воздуха покачивал белые шторы за окном.

— Зайдешь? — спросил я.

— Нет, — сказала она спустя полминуты.

— А кто там? — я.

— Мама, — Вера.

Мы посидели еще несколько минут. Моя художница встала и пошла к дороге. Я пошел за ней.

— Не сейчас, — услышал я шепот Веры. Мы ушли к гостинице.

Весь оставшийся день Вера молчала. Мы сидели в комнате и ничего не делали. Мне казалось, что моя художница расстроена. Несмотря на это, Вера была очень спокойна. Ближе к поздней ночи мы легли спать.

Новый день начался для нас на рассвете. Я проснулся, как только взошло солнце, и с удивлением обнаружил, что Вера встала раньше. За завтраком моя художница сказала:

— Я вчера ничего не почувствовала, — и посмотрела на меня. Я это понял еще вчера.

— Пойдем в Эрмитаж, — это лучшее, что я мог предложить сейчас Вере. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

До обеда мы гуляли по Питеру. Моя художница стала невероятно радостной. Она не могла

стоять на месте, постоянно кружилась, хлопала в ладоши и смеялась. Перед Эрмитажем мы купили воды. Есть совершенно не хотелось. Мы зашли в здание. Сначала, гуляя по залам, Вера останавливалась около некоторых картин. Подолгу их рассматривала. Спустя несколько часов мы уже просто шли из помещения в помещение, наблюдая за всем на ходу. Сейчас моя художница была счастлива.

Ближе к вечеру глаза устали. Цвета из разных картин слились в один большой водоворот краски. Мы утомились. Немного отдохнув перед Эрмитажем, Вера предложила:

— Поехали к моему мосту. У меня с ним столько всего связано. Мы проводили уйму времени около него, раньше. В детстве. Это было место наших встреч.

— Поехали, а что за мост? — спросил я. Идея мне понравилась.

— Наш мост, — ответила она.

— Очень интересно, — сказал я. Ни расстроится ли Вера сегодня, как вчера? Я задавал сам себе этот вопрос. Мне бы этого не хотелось.

До моста мы добрались довольно быстро. Вера поймала машину и сама расплатилась. Я предлагал ей деньги, но она, улыбаясь, отвечала, что хочет платить сама.

Мы стояли на мосту.

— А как он называется? — спросил я.

— Народный, — ответила Вера, смотря на воду.

Я смотрел на воду тоже. Шум города смешивался с шумом воды. Это было замечательно. Краем глаза я заметил, как моя художница достала что-то большое из рюкзака. Я посмотрел на небо. Раздался плеск воды. Я посмотрел на Веру.

— Ой, — сказала она улыбаясь. Моя художница выкинула картину в канал!

— Стой, что ты делаешь! — крикнул я.

Вера достала еще одну картину и выкинула ее с моста. Мальчик около подводной лодки полетел в воду. Плюхнулся. Картина поплыла по течению. Проходящие мимо люди смотрели на нас, ничего ни говоря.

— Зачем ты... — уже тихо, почти шепотом, промолвил я.

Моя художница молча доставала картины и кидала их в воду. Она не торопилась. Смотрела на каждую по несколько секунд. Я с болью смотрел на каждое полотно. Вера закончила. Я увидел в ее глазах сомнение и страх, но потом моя художница улыбнулась. Глубоко вдохнула. Начала кружиться, отойдя не середину моста.

— Была гольшом, бегала по траве, — говорила она, смотря в небо, — оделась в белое. С ног

до головы, вся в белом. Сняла платье, ходила в любом цвете. Меняла краску. Прошло время, оделась в черное. Во все черное. С ног до головы. Сняла черное платье, потеряла цвет. Выронила краски. Осталась цветами. Рассталась с цветами.

— Вера, — сказал я и вздохнул.

— Я море, — промолвила она.

Я посмотрел на уплывающие картины. В голову пришла мысль прыгнуть с моста. Разбежаться, оттолкнуться и плюхнуться в холодную воду. Простудиться, промокнуть, но спасти полотно. Но я не прыгнул. Я отпустил их.

Мы молча шли вдоль канала. Вера села на лавочку. Достала листочек. Я устроился рядом. Моя художница начала рисовать маленьким карандашиком. Через полчаса на бумажке был уже вполне узнаваемый мир. Север. Причал. Вера рисовала море. Судя по большим волнам, погода была буйной. Полузатонувший причал пеленала морская пена. На мгновение она остановилась, рука с карандашиком замерла. После короткой паузы моя художница нарисовала человека, стоящего на причале.

Человечек начал вертеть головой. Потом забегал из стороны в сторону. Он суетился, волны пугали его. Поскользнувшись, он начал скатываться в воду. Его руки суетливо пытались ухватиться за изогнутые перила.

Внезапно море изогнулось. Это было похоже на цунами. Человечек взобрался на верх причала. Все вокруг начало гнуться. Море комкалось, поднимая часть воды с берегами к небу и смешиваясь с облаками. Причал согнулся пополам, человечек в страхе замер. Земля, вода и небо слились в комок графита, в эту же воронку унесло человека.

Это Вера комкала листочек. Зарисовка ей не понравилась. Она выкинула его в урну. Встала и подошла к каналу. Пока моя художница наблюдала за водой, я засунул руку в мусорку и спрятал выкинутый листочек в карман.

Остаток дня до вечера мы провели в безмолвии. Мы гуляли. Вера сделалась серьезной и задумчивой. Иногда она выглядела так, словно сейчас заплачет. Иногда еле заметно улыбалась. Я не знал, что у нее творится в голове. Не знал, о чем она думает. Я чувствовал себя невероятно свободно.

В гостинице Вера сказала:

— Знаешь, я, кажется, избавилась от... в общем, мне просто как-то легко, — и улыбнулась.

Уже перед сном моя художница тихонько шепнула:

— Спасибо.

Я закрыл глаза и заснул.

Проснувшись, я обнаружил, что Вера уехала. Она забрала свои вещи. В углу, где стоял ее огромный рюкзак, было пусто. Я заварил чаю. Сел на подоконник. Я ждал. Ждал час. Потом еще два. Веры не было. Ждал до вечера. Но, похоже, моя художница уехала, не собираясь возвращаться.

На вокзале я купил билет до Москвы. В поезде мимо меня проносились люди. Кто-то из соседей попытался со мной заговорить, но я, не отрываясь, смотрел в окно и ничего не отвечал. В груди что-то давило, заворачивалось, я не мог понять — то ли мне хорошо, то ли безмерно грустно. Движение поезда меня убаюкало. Я заснул. Давно я не спал так крепко. Поезд остановился. Проснувшись, я даже слегка удивился — что я делаю в поезде.

Дома я зашел в свою комнату. Долго сидел на пороге и изучал свое жилище. Когда со мной жила Вера, ее вещи были для меня незаметны. Сейчас мне казалось, что комната опустела.

Я вспомнил о картине и о цветке, который не подарил. Я заглянул в шкаф и... Картины не было. Цветка тоже. Пропали и деньги. Мне захотелось смеяться. Четверть цыганки в Вере меня ограбила, это было замечательно.

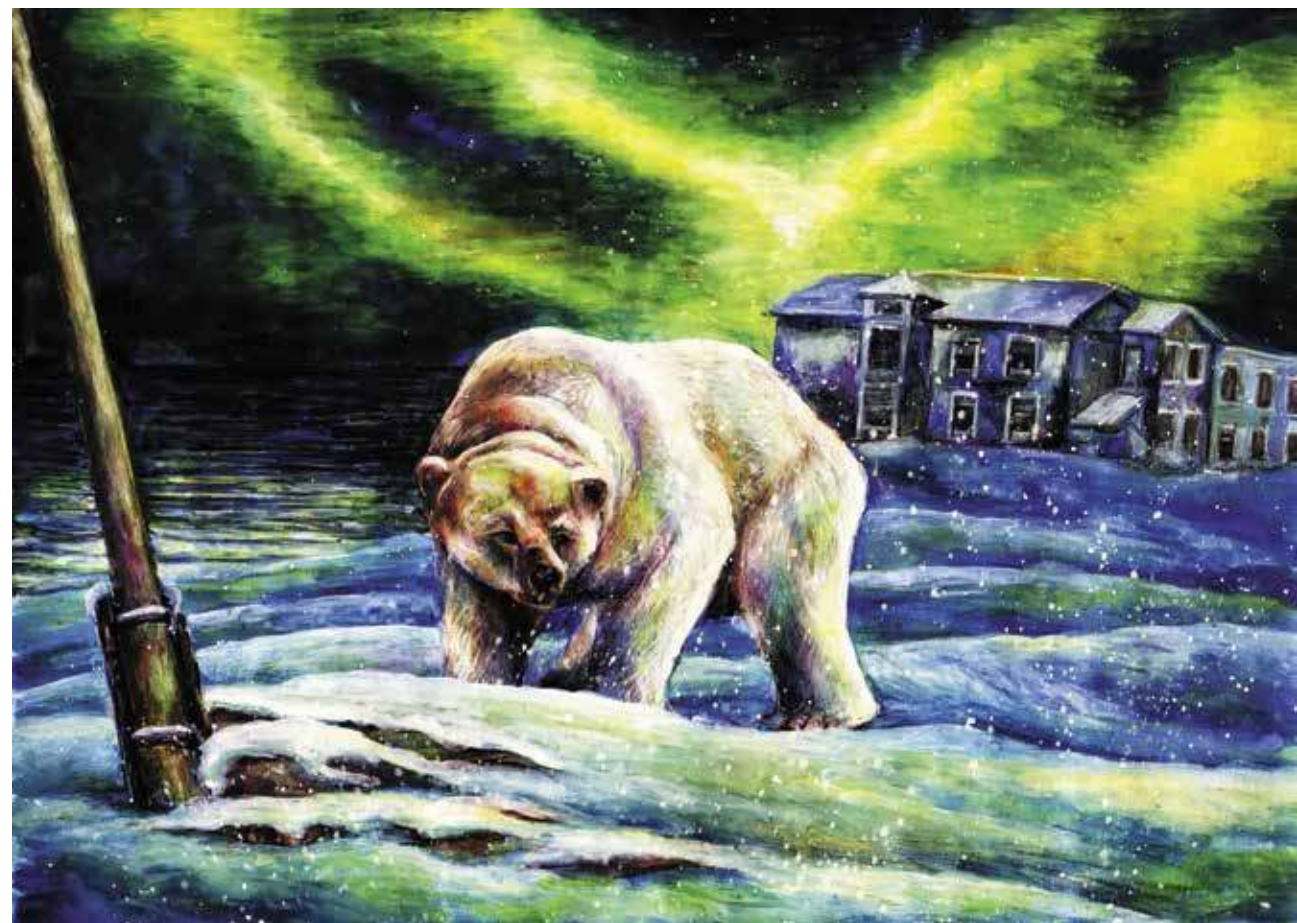
— Вера, ты, как всегда, угадала, — сказал я самому себе, смеясь. Когда я обнаружил пропажу, мне стало легче. Это и была точка. Моя художница молодец.

Я сел за стол. Взял ручку. И начал писать все, как было, с самого начала. Поздней ночью я лег спать. Перед сном я развернул набросок причала, сделанный Верой в Питере. Я знал, что никогда не смогу вернуться туда. Заполярный городок расформировали. Всех людей переселили. Мне приснился север.

Север

Я УВИДЕЛ северное сияние. Неморгающий зеленый глаз расплзся по всему небу. Была полярная ночь. Я видел свой городок сразу в нескольких местах, как часто бывает во сне. Улицы занесло снегом. Их никто не чистил. Городок был пуст. В окнах не было света. Все уехали. По площади шел олень. Он уже приходил сюда, но в прошлом здесь были люди. Его тогда не тронули, он смело пришел еще раз.

Стая бездомных собак бегаёт по городку. С каждым днем они дичают и становятся злее. Приходит время и самую слабую собаку из стаи

приходится убить и съесть. Пищи нет. Холод и снег.

Белый медведь идет по городку. Он слышит лай собак, чувствует их запах. Ему не трудно поймать одну из них. Он идет осторожно. Запаха человека не чувствуется, но он знает, что люди очень опасны, они могут за секунду убить его. Когда-то они убили его мать. Он помнит, как охотники застрелили ее. Он был еще медвежонком, но его они не тронули. Из рассказов охотников я помню историю об этом случае. Этих людей поймали и наказали. Сезон охоты не был открыт в то время. Они даже не успели забрать подстреленную медведицу, когда их обнаружили службы по борьбе с браконьерством.

Оставлять медведицу было бессмысленно. Ее увезли в городок. Возможно, тогда медвежо-

нок понял, что мать жива. Может, он даже надеялся на это. Только сейчас он пришел к людям. Но никого не обнаружил.

Я вижу, как медведь идет по площади. При виде его олень поспешно *убегает*. Медведь смотрит ему вслед. Он не голоден. Ему сейчас незачем охотиться. Он забирается на трибуну, с которой не так давно вещали люди. С нее лучше наблюдать за округой. Он смотрит в сторону моря. Снег мелким крошевом щекочет морду. Северное сияние украшает небо. Через время снег засыплет дома.

Между домами, на окраине городка, промелькнет серый песец. В зубах он держит пойманную куропатку. Северный лис посмотрит несколько секунд на дома и побежит в сопки.